

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

УДК 340.114.5

DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-1

Авилова Оксана Евгеньевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории
государства и права, юридический институт,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Алтайский государственный
университет», 656049, г. Барнаул,
пр-т Социалистический, д. 68,
email: avilova-oksana@rambler.ru

Avilova, Oksana E.,
PhD in Law,
Associate Professor
at the Department of Theory
and History of State and Law,
Law Institute,
Altai State University,
68 Sotsialisticheskoy Ave., Barnaul,
656049, Russian Federation,
email: avilova-oksana@rambler.ru

ИЗУЧЕНИЕ ФЕНОМЕНА ПРАВОСОЗНАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВОВЕДЕНИИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОДУКТИВНОСТЬ И ИЗЪЯНЫ ОСНОВНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

STUDYING THE PHENOMENON OF LEGAL AWARENESS IN RUSSIAN JURISPRUDENCE: RESEARCH PRODUCTIVITY AND SHORTCOMINGS OF THE MAIN METHODOLOGICAL APPROACHES

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию методологических подходов, используемых отечественным правоведением при изучении правосознания, в аспекте их научной продуктивности и возможных познавательных изъянов. В соответствии с принципом историзма в осмыслении феномена правосознания выделяется три этапа: дореволюционный, советский и современный. Делается вывод о том, что методологический фундамент исследования правового сознания был заложен в советское время (теория отражения и формационный подход как метод исторического и социологического анализа). При этом теория отражения до сих пор является доминирующей в отечественном правоведении, в отличие от формационного подхода, от которого при исследовании правосознания большинство ученых отказалось. Принцип плюрализма в научном познании позволяет сегодняшним исследователям проводить конкретно-историческое исследование правосознания на

ABSTRACT. The article is devoted to the study of methodological approaches used by Russian jurisprudence in the study of legal awareness, in terms of their scientific productivity and possible cognitive flaws. In accordance with the principle of historicism, the article identifies three stages in understanding the phenomenon of legal awareness: pre-revolutionary, Soviet and modern. It is concluded that the methodological foundation of the study of legal consciousness was laid in the Soviet era (the theory of reflection and the formative approach as a method of historical and sociological analysis). At the same time, the theory of reflection is still prevalent in Russian jurisprudence, in contrast to the formative approach, which most scientists have abandoned in the study of legal awareness. The principle of pluralism in scientific knowledge allows today's researchers to conduct a concrete historical study of legal consciousness based on a civilizational-value approach. The article draws attention to the fact that applied research on legal awareness can provide

основе цивилизационно-ценностного подхода. В статье обращается внимание на то, что интересный и значимый в практической плоскости научный результат способны дать прикладные исследования правосознания, но только при том условии, что они будут следовать стандартам методологической обоснованности и широко использовать частные методы, разработанные другими областями человеческого (и не только социогуманитарного) знания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правовое сознание, теория отражения, прикладное исследование правосознания, правовая действительность, соотношение права и правосознания

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Авилова, О. Е. Изучение феномена правосознания в отечественном правоведении: исследовательская продуктивность и изъяны основных методологических подходов / О. Е. Авилова. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 9–15. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-1

Существование и воспроизводство человеческого общества определяются фактом наличия в нем системы социального нормативного регулирования. Именно система социального нормативного регулирования очерчивает пространство человеческой жизнедеятельности, определяя меру возможного и должного поведения индивидов, вступающих в общественные отношения друг с другом. Важнейшими слагаемыми системы социального нормативного регулирования выступают право, мораль и религия, которые в своем бытии опосредованы соответственно правовым, моральным и религиозным сознанием.

В индустриальном и постиндустриальном обществе на первое место в системе социального нормативного регулирования выдвигается право, а среди форм общественного сознания значимую роль начинает играть правовое сознание. Правосознание – это сложное явление, которое испытывает на себе влияние социальной динамики, что выражается в изменении восприятия феномена права, в переоценке права с позиции соответствия или противоречия целям защиты тех ценностей, которые в данном обществе на данном историческом отрезке его развития признаются и защищаются. В связи с этим исследование закономерностей формирования, развития, деформации правосознания представляет собой актуальное, теоретически и практически значимое научное направление.

an interesting and significant scientific result in practical terms, but only on condition that they follow the standards of methodological validity and widely use private methods developed by other fields of human (and not only socio-humanitarian) knowledge.

KEYWORDS: legal consciousness, theory of reflection, applied research of legal consciousness, legal reality, correlation of law and legal consciousness

FOR CITATION:

Avilova, O. E. (2025) Studying the Phenomenon of Legal Awareness in Russian Jurisprudence: Research Productivity and Shortcomings of the Main Methodological Approaches. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 12(2): 9–15 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-1

Для понимания правосознания в отечественной науке первостепенным моментом является то, что оно представляет собой одну из форм сознания. В самом общем виде правосознание может быть определено как форма сознания, отражающая правовую действительность. Однако это определение само по себе ничего не проясняет ни о сути сознания как такового, ни о сути правовой действительности.

Основные трудности в определении правосознания в первую очередь связаны с понятием сознания, что не дает правоведению возможности подойти к изучению правосознания без обращения к философии и философской методологии. При этом феномен сознания относится к числу наиболее сложных для философского осмысления. В советской философии в силу марксистского влияния считалось, что основной вопрос философии – это вопрос о соотношении сознания и материи, имеющий онтологический и гносеологический аспекты и предполагающий соответственно идеалистическое/материалистическое и метафизическое/диалектическое решение. Для советской философии хрестоматийным стало определение сознания как свойства высокоорганизованной материи [3, с. 69]. Среди представителей дореволюционной отечественной философской мысли, напротив, было немало авторов, исповедовавших противоположный подход и видевших в сознании свойство некоторой нематериаль-

ной субстанции – «души». Также и в современной юридической науке есть значительное число исследователей, которые в своих сегодняшних построениях опираются на наследие русской дореволюционной философско-правовой мысли, стремятся рассмотреть правосознание как феномен духовной жизни, охарактеризовать особенности российского правосознания в цивилизационно-ценностном аспекте (Р. С. Байниязов, А. А. Васильев, М. А. Гусарова, В. Н. Синюков, В. В. Сорокин и др.).

Правоведение на уровне прикладных исследований правосознания не претендует на решение сложных философских проблем и на ответ о сущности сознания как такового. Обычно прикладные юридические исследования ограничиваются признанием факта объективации правосознания в деятельности людей. Деятельность людей и результаты этой деятельности (различные проявления материальной и духовной культуры человечества) действительно позволяют установить сам факт сознания, в том числе правового сознания, и осмыслить его содержание. Другое дело – исследования, посвященные правосознанию под углом собственно философской проблематики. Предметное поле подобных изысканий, предпринимаемых юристами, относится чаще всего к философии права, в рамках которой уместна постановка вопроса о природе правосознания, в том числе в онтологической плоскости.

В рамках данного исследования важно подчеркнуть, что сознание изучают многие области человеческого знания, относящиеся как к социально-гуманитарной, так и к естественнонаучной области. Психология, социология, педагогика и другие науки интересуются индивидуальным и общественным сознанием в прикладном аспекте и связывают его с интеллектуальной и психической жизнью человека и общества. В целом они стремятся определить сознание эмпирически, соотнести его с социальной реальностью и окружающей природной средой. Именно здесь понятие «сознание» оказывается в одном ряду с такими словами, как «знание», «эмоции», «восприятие», «отношение», «внимание», «понимание», «воображение», «самосознание» и др. В этой плоскости сознание предстает прежде всего как нечто, связанное с интеллектуальной и психической жизнью, как нечто, способное отражать окру-

жающий мир, обобщать и приумножать знание о нем. Контуры такого понимания сознания влияют на исследование различных его форм, в том числе правосознания.

Предметно изучением именно правосознания в отечественной науке занимаются юриспруденция и психология, которые стали предпринимать соответствующие познавательные усилия с начала XX в. Это обстоятельство обуславливает наличие значительного числа трудов, которые далеко не всегда одинаково методологически и терминологически рассматривают эту форму сознания. В рамках данного исследования нас интересует правоведение, в приложении к которому можно выделить три основных этапа в развитии отечественных представлений о правосознании: дореволюционный, советский и современный, каждый из которых отличается своеобразием методологических установок, используемых в исследованиях правосознания.

Первые работы по проблемам правосознания принадлежат дореволюционным исследователям (Н. А. Алексеев, Б. А. Кистяковский, Л. И. Петражицкий, Б. Н. Чичерин). Хотя работы этого времени и характеризуются некоторой нестройностью терминологического аппарата (использование наряду с понятием «правосознание» слов «правопринятие», «правоубеждение», «правопонимание») [6, с. 274], их отличает стремление вычленить рациональные и эмоциональные компоненты в правовом поведении людей. Более того, авторам этой поры принадлежат, пожалуй, самые оригинальные концепции правосознания в истории отечественной науки. Последнее обстоятельство связано с тем, что в дореволюционной России сосуществовали самые разные школы понимания права, в том числе те, которые советская наука уничтожительно именовала метафизическими и вообще не рассматривала как научные. К числу наиболее самобытных работ того времени относится работа И. А. Ильина «О сущности правосознания» (завершена в 1919 г., издана в 1956 г.). Рассматривая правосознание с духовной, христианской позиции, он приходит к выводу, что «истинною основой нормального правосознания может быть только воля к духовной жизни как верховному благу» [2].

Советский этап в развитии отечественных представлений о правосознании в самом об-

щем виде отличается опорой на марксистско-ленинское понимание общественно-исторических явлений и процессов. Вместе с тем при более пристальном рассмотрении в нем можно обнаружить отдельные подэтапы, выделяющиеся некоторым своеобразием. Интересный этап приходится на 1917–1929 гг. В это время такие авторы, как П. Н. Галанза, М. А. Рейснер, П. И. Стучка, с одной стороны, еще опирались на наследие дореволюционной правовой науки, а с другой – были охвачены стремлением придать классовое прочтение всем правовым понятиям. Как справедливо отмечают современные исследователи, в воззрениях того времени господствовал психологический взгляд на правосознание и право, попытки определить сущность и того и другого через классово (революционно, социалистически, коммунистически) понятую справедливость [7]. Выводы, сделанные в то время, были весьма оригинальны, но не могут быть признаны продуктивными в части исследования правосознания как такового (все-таки главный предмет их научного внимания – это именно революционное правосознание). Вместе с тем уже в конце 1920-х гг. начинает утверждаться представление о том, что правосознание является сложным, опосредованным и многообразным отражением общественного бытия, которое определяется экономическим базисом общества. Это представление начиная с 1930-х гг. и до конца советского периода станет основополагающим в рассмотрении правосознания.

Несмотря на отдельные дискуссии по проблемам правосознания, советские ученые (Н. Г. Александров, С. С. Алексеев, С. В. Боботов, Н. Л. Гранат, Е. А. Лукашева, В. В. Оксамытный, А. Р. Ратинов, Л. И. Спиридонов, И. Е. Фарбер и др.) в 1940–1980-х гг. в двух базовых моментах понимания правосознания демонстрировали полное единодушие. Во-первых, правосознание понималось в русле марксистско-ленинской теории отражения. Опираясь на опыт практической деятельности людей, теория отражения утверждает, что прогрессивное развитие человечества обусловлено способностью сознания адекватно отражать действительность. Эта теория видит в сознании отражение бытия и признает его существование только в этой форме. Данный тезис есть следствие материалистического решения основного вопро-

са философии в пользу первичности материи и вторичности сознания. Очень характерно в связи с этим определял правосознание один из основоположников отечественной юридической психологии А. Р. Ратинов. В своих работах 1970–1980-х гг. он писал, что правосознание есть «сфера общественного, группового и индивидуального сознания, отражающая правовую действительность в форме юридических знаний, оценочных отношений к праву и практике его применения, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих человеческое поведение в юридически значимых ситуациях» [4, с. 71].

Тезис о том, что правосознание отражает правовую действительность, не подвергался сомнению, споры велись вокруг того, что конкретно отражается (Что есть объект отражения? Что есть та самая правовая действительность? Только ли писаное право или иные проявления правовой жизни тоже?) и в виде чего отражается (Что есть результат отражения? Только правовые представления или что-то еще?). Применительно к этим вопросам тоже можно отследить ход развития отечественной науки. Так, на эмоциональных компонентах правосознания стали отдельно фокусироваться с конца 1950-х гг. (первыми были Г. А. Злобин, Е. А. Лукашева, И. Е. Фарбер), в 1960-х гг. отдельные авторы вновь подвергли их существование сомнению, а вот впоследствии их выделение стало практически общепринятым.

Во-вторых, правосознание понималось как зависящее от типа общества (исходя из логики формационного подхода). Конечно, советская наука видела в правосознании и универсальную категорию, характеризующую общество на определенном (государственно организованном) этапе его развития. Вместе с тем аксиомой считалось, что конкретно-историческое исследование правосознания нельзя вести в отрыве от классовой природы того общества, в котором оно существует. Иной подход, по мысли советских ученых, приведет к грубейшим исследовательским ошибкам. Справедливости ради следует подчеркнуть, что этот познавательный подход исповедовался советской наукой безоговорочно при исследовании всех явлений и процессов общественной жизни, что, с одной стороны, позволяло исследовать их системно, а с другой – вело к утверждению в нау-

ке некоторых идеологических клише. Соответственно, в советской науке социалистическое правосознание определялось как высший тип правового сознания (его типологическая «высота» была обусловлена самой широкой социальной базой). Ученые того времени убеждали читателей своих работ, что в СССР впервые в истории человеческого общества сформировалась единая система правосознания, ведущими принципами которой становятся идеи правильно (социалистически) понятой законности, равноправия, справедливости.

Подчеркнем, что советская наука в приложении к правосознанию демонстрировала не только единомыслие, но и разномыслие (например, в части понимания структуры правосознания), не только шла путем обобщений самого высокого уровня, но и занималась конкретными прикладными исследованиями (в том числе изучала правосознание подростков, молодежи, преступников и иных групп, выделенных по признаку социальной однородности), изучала механизмы правовой социализации индивида, исследовала формы и причины деформации правосознания. На базе данных исследований, имеющих строго прикладной характер, именно в советское время была создана обстоятельная методическая база по правовому воспитанию подрастающего поколения.

Современный этап в исследовании правосознания является преемственным и по отношению к советскому периоду (современные ученые в большинстве своем пользуются научными конструкциями, появившимися в советское время), и по отношению к дореволюционному этапу (исследователи сегодняшнего дня не стеснены рамками марксистско-ленинской философии, они могут быть сторонниками самых разных подходов к осмыслению права, использовать цивилизационно-ценностный подход при конкретно-историческом изучении правосознания).

Помимо этого, в современной науке есть два условных полюса представлений о праве и правосознании (оба своим происхождением также обязаны советским ученым). Первый полюс соответствует позитивистско-нормативистскому (узкому) подходу. Он основан на том, что право есть система общеобязательных, формально определенных общих правил поведения, исходящих от государства и защищаемых им; при

этом право вместе с правосознанием и юридической практикой образует правовую систему конкретного общества. Все эти явления (право, правосознание, юридическая практика), конечно, связаны, но не тождественны друг другу. Такой взгляд был распространен в советской науке, характерен он и для многих сегодняшних исследователей. В своей самой утрированной версии он предполагает понимание права в виде некой безличной силы, противостоящей обществу, а правосознания – в виде отражения этой силы.

Второй полюс представлен широким подходом к праву. Здесь право мыслится как явление, не сводимое к системе правил поведения – в его содержание включают не только нормы, но и субъективные права, правосознание, практику реализации права, законность и правопорядок, другие правовые, а зачастую даже моральные явления. При таком подходе правосознание есть один из элементов права. Более того, в психологических интерпретациях права правосознание и право начинают отождествляться, а нормативность права как эмпирического явления объясняется идеальной нормативностью правосознания. В своей самой крайней версии этот подход понимает само право как отражение правосознания, как материализованную ипостась модели права, сформировавшейся в общественном сознании.

Научная продуктивность того или иного подхода к пониманию соотношения права и правосознания проявляет себя по-разному, в зависимости от целей конкретного исследования. Но чаще всего предпринимаемая исследователем попытка изучить правосознание через фундаментальную концепцию права оказывается чересчур фундаментальной именно по отношению к изучению правосознания и его прикладных аспектов. Правосознание оказывается частью какой-то сложной конструкции, при этом частью константной. Признавая научное значение подобных концепций, нельзя не отметить, что при всей устойчивости правового сознания как элемента права или правовой системы конкретной страны правосознание тем не менее существует в «движении», в «привязке» к народу, конкретным социальным группам и индивидам.

Более того, представляется, что при исследовании правосознания в приложении к его но-

сителям – отдельным индивидам, социальным группам или народу в целом – методологически оправданны оба понимания права и правосознания (как узкое, так и широкое). И узкий, и широкий подход к пониманию права и правосознания имеют примерно одинаковую методологическую продуктивность при исследовании структуры правосознания, при изучении его уровней и поиске ответов на иные вопросы теоретико-правового характера. Поэтому примерно с одинаковой степенью обоснованности и убедительности в исследованиях такого рода появятся выводы о том, что правосознание, право и правовая практика представляют собой проявления культуры, о том, что правосознание выступает в виде материальной силы общественного развития, выражая интересы и цели людей, о том, что в правосознании формируется та модель юридически значимого поведения, которая признается обществом в качестве базовой, и т. п. Другое дело, что если методологический инструментарий какого-либо теоретико-правового исследования правосознания будет ограничен перечнем общенаучных и специальных методов юридической науки, то его исследовательский результат будет уязвим. Его уязвимость будет определяться тем, что научные выводы делались без использования частных методов, разработанных другими областями человеческого (прежде всего, социогуманитарного) знания, а ведь именно они умеют адекватно собирать и обрабатывать эмпирический материал, выходящих за пределы нормативно-правового массива.

И здесь важно подчеркнуть следующее обстоятельство: рассмотреть правосознание невозможно в отрыве от вопроса о том, что, собственно, является объектом отражения правосознания. Как уже отмечалось выше, согласно устоявшимся воззрениям, право отражает правовую действительность.

Представим, что перед нами юрист-догматик, который убежден, что вся правовая действительность сводима к позитивному, официальному праву (тому, которое в условиях континентальной правовой семьи ассоциируется с законодательством). В таком случае его исследование правосознания будет подчинено общей познавательной стратегии догматической юриспруденции (хотя сама попытка исследовать правосознание уже есть выход за

пределы научного поля догматической юриспруденции).

Иная стратегия познавательной деятельности будет у исследователя, который исходит из того, что понятие «правовая действительность» включает все без исключения правовые явления [5, с. 24]. Подчеркнем, понятие правовой действительности концептуально может не ограничиваться только позитивными правовыми явлениями, оно может и (по логике социологической юриспруденции) должно охватывать весь спектр правовой жизни, в том числе ее негативные, неправомерные реалии, препятствующие нормальной юридической деятельности, например переживаемое людьми состояние правовой незащищенности (которое отражает такие изъяны действующего права и правоприменения, как волюнтаризм, коррупция, произвол чиновников).

Стремление изучить правосознание под углом того, что входит в объект его отражения, может давать интересные познавательные результаты. Как, например, у Д. Я. Ягофарова, для которого правосознание – это совокупность знаний, идей, убеждений, в целом мировоззрения, а также чувств, эмоций, настроений, ценностных ориентаций, установок, оценок, выражающих отношение людей, социальных групп, общества в целом «к действующему или желаемому праву, его ценностям, принципам, нормам, поведению в сфере права как правомерному или неправомерному, справедливому или несправедливому» [8, с. 86]. Интересным в приведенной дефиниции представляется указание не только на правомерное и неправомерное, но и на «справедливое и несправедливое» при описании объекта правосознания. Некоторые авторы идут еще дальше в своих формулировках. Так, И. Л. Вершок подчеркивает, что правовое сознание – это «правильное», но «не законное» сознание, имея в виду, что оно не сводимо к знанию или незнанию действующих законодательных актов, а представляет собой результат их оценки на предмет соответствия их внутренним убеждениям и ценностям. «Критерием правильности и в то же время системообразующим признаком правового сознания является совесть», – пишет она [1, с. 26]. Подобного рода формулировки основаны на понимании двух фактов: 1) граница между разными формами сознания – в данном

случае граница между правовым и моральным сознанием – весьма условна; 2) правосознание отражает потребность людей в правильной (соответствующей их представлениям о справедливости) защите наиболее значимых общественных ценностей нормами права. А еще в этих формулировках хорошо просматривается, что методологически они выходят за пределы догматической юриспруденции, стремятся установить связь правового сознания с иными явлениями правовой действительности, исповедуют познавательные подходы социологических изысканий внутри правоведения.

Таким образом, анализ особенностей изучения правосознания в отечественном правоведении показывает, что никакой универсальной (метанарративной) методологической установки им не было выработано. Теория отражения не должна нас вводить здесь в заблуждение: ее марксистско-ленинская версия существовала исключительно в связке с онтологическим монизмом и диалектическим материализмом. Исследование того, как отечественное правоведение решало и решает познавательные задачи, связанные с правовым сознанием, показывает историчность представлений и концепций, создаваемых учеными как субъектами научного познания в контексте реалий соответствующей исторической эпохи. Наиболее наглядно это демонстрируют формационный и цивилизационно-ценностный подходы в исследовании правосознания в конкретно-исторической плоскости.

Помимо этого, осмысление правового сознания в отечественном правоведении показывает, что в правовом сознании есть стороны, исследование которых требует разных научных методов и, более того, методологических установок. Объясняется это сложностью правового сознания как объекта исследования. Так, значительная разница существует между исследованиями правосознания фундаментального и прикладного значения. Последние просто немислимы без широкого набора научных методов, выработанных отдельными областями человеческого знания (социология, психология, математика и др.).

Список использованных источников

1. Вершок И. Л. Методологические подходы к изучению правосознания // Право.by: научно-практический журнал. 2021. № 3. С. 24–29.

2. Ильин И. А. О сущности правосознания // Философия. URL: https://filosoff.org/ilyin/wp-content/uploads/sites/117/2015/11/ilin-i.-o-sushchnosti-pravosoznaniya-filosoff.org_.pdf (дата обращения: 15.05.2025).

3. Основы марксистской философии: учебник. М.: Госполитиздат, 1963. 656 с.

4. Ратинов А. Р. Избранные труды. М.: Изд-во Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016. 212 с.

5. Рыбаков В. А. Правосознание: к вопросу о понятии // Вестник Омского государственного университета. Сер. Право. 2015. № 3. С. 23–28.

6. Тишина И. В. Понятие «правосознание» в исторической ретроспективе и современной науке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 67. С. 273–280.

7. Филимонова И. В., Беденков В. В. Ранний период развития советских научных представлений о правосознании (1917–1929 гг.) // Sci-article.ru: электронный периодический научный журнал. 2016. № 12. URL: <https://sci-article.ru/stat.php?i=1480942074> (дата обращения: 15.05.2025).

8. Ягофаров Д. Я. Категории и понятия общей теории государства и права: систематизированный свод дефиниций. Екатеринбург, 1995. 108 с.

References

1. Vershok I. L. Methodological approaches to the study of legal awareness. *Right.by: scientific and practical journal*. 2021. No. 3. P. 24–29 [in Russ.].

2. Ilyin I. A. About the essence of legal consciousness. *Philosophy*. URL: https://filosoff.org/ilyin/wp-content/uploads/sites/117/2015/11/ilin-i.-o-sushchnosti-pravosoznaniya-filosoff.org_.pdf (date of access: 05.15.2025) [in Russ.].

3. Fundamentals of Marxist philosophy: textbook. Moscow: Gospolitizdat, 1963. 656 p. [in Russ.].

4. Ratinov A. R. Selected works. Moscow: Publishing House of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2016. 212 p. [in Russ.].

5. Rybakov V. A. Legal awareness: on the issue of the concept. *Bulletin of Omsk State University. Series: Law*. 2015. No. 3. P. 23–28 [in Russ.].

6. Tishina I. V. The concept of “legal awareness” in historical retrospect and modern science. *Bulletin of the Herzen State Pedagogical University of Russia*. 2008. No. 67. P. 273–280 [in Russ.].

7. Filimonova I. V., Bedenkov V. V. The early period of development of Soviet scientific ideas about legal consciousness (1917–1929). *Sci-article.ru: an electronic periodic scientific journal*. 2016. No. 12. URL: <https://sci-article.ru/stat.php?i=1480942074> (date of access: 05.15.2025) [in Russ.].

8. Yagofarov D. Ya. Categories and concepts of the general theory of state and law: a systematic set of definitions. Yekaterinburg, 1995. 108 p. [in Russ.].

Поступила в редакцию 15.05.2025
Received May 15, 2025